

ПУТИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

УДК 314.12(571.1/.5)

Социально-демографические проблемы освоения Сибири

Геннадий Филиппович Шафранов-Куцев

доктор философских наук, академик РАО,
научный руководитель Тюменского государственного университета
shafranov-kutsev@utmn.ru

Аннотация. В статье рассмотрены социально-демографические проблемы освоения Сибири в ретроспективе и в настоящее время. Обоснована правомерность анализа Сибири как макрорегиона в контексте его взаимодействия с Российским Дальним Востоком. Приводятся сравнительные данные состояния сибирского социума с Российской Федерацией в целом. Показана значительная неравномерность расселения Сибири, демографические особенности развития городских поселений в регионах нового освоения. Подробно проанализированы социально-экономические риски, с которыми сталкивается макрорегион Сибири в настоящее время. На основе анализа статистических данных делается вывод о более быстрой депопуляции населения макрорегиона Сибири за последние два десятилетия по сравнению с Россией в целом. Показано, что настоящий этап освоения Сибири может быть успешным лишь при условии формирования эффективной политики регионального саморазвития с опорой на собственные демографические, финансовые, интеллектуальные ресурсы. На основе представительных социологических исследований описаны особенности миграционных процессов в Сибири и уровень «укорененности» ее населения. Особое внимание уделено формированию учительского корпуса в школах на Крайнем Севере, предложены рекомендации по регулированию миграционных процессов в данном макрорегионе.

Ключевые слова: Сибирь, миграция населения, освоение территории, «укорененность» населения, маятниковая миграция, регулирование миграционных процессов, регион нового освоения, социология региона, социология города, качество жизни.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-9-17

Цитирование: Шафранов-Куцев Г. Ф. Социально-демографические проблемы освоения Сибири / Г. Ф. Шафранов-Куцев // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 1. С. 13-24.
DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-9-17

«Полагаю, самым главным делом сохранение и размножения народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»

М. В. Ломоносов [15, с. 566]

Целью предпринятого историко-социологического исследования является:

- рассмотрение процессов заселения и освоения Сибири, их исторических истоков и достигнутых результатов;

- изучение особенностей накопления ее демографических ресурсов, человеческого капитала как в XX в., так и в условиях постсоветской социокультурной динамики;
- определение возможностей управления миграционными процессами для повышения «укорененности» населения, достижения стабильности социально — экономического развития Сибири.

На просьбу журналистов оценить самый дерзкий проект современности отец-основатель Сибирского отделения Академии наук М. А. Лав-

рентьев отвечал: «Освоение Сибири и Дальнего Востока — мечта и дело России — от первых землепроходцев до наших современников» [12]. История России — как в прошлом, так и в настоящем, — история колонизаций, зачастую принудительных и насильственных. Великий русский историк 19 в. В. О. Ключевский отмечал: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [7].

Рассуждения о том, что одна из отличительных особенностей российской истории заключалась в пространственной экспансии, переселении на новые территории, содержатся в работах П. Я. Чадаева, А. П. Щапова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева и других исследователей отечественной истории. Это историческая примета и других достаточно сильных государственных образований. Назовем этот процесс колонизацией или как в новейшей российской истории «освоением».

Понятие «освоение» в русском языке происходит от слова «свой». В словаре В. Даля «освоить» означает «сделать своим, обычным, обиходным» [8]. Философы и социологи, анализируя новое освоение через социально-культурные процессы, соотносят его с актом реализации определенных жизненных ценностей на новом месте [6].

Уточним, что вкладывается в само понятие. Сибирь как историческое понятие в самых широких границах включает в себя и северо-восток Казахстана и весь российский Дальний Восток [18].

В современном административном делении Российской Федерации большая Тюменская область с двумя автономными округами, оставаясь частью сибирского географического пространства, отнесена к Уральскому Федеральному округу. Поэтому в научных исследованиях есть смысл использовать географическое понятие «Сибирь» хотя бы потому, что как показывает история, географические термины не часто подвергаются такой трансформации, как территориально-административные, что приводит к большой путанице в научных и даже статистических данных.

Самым первым условием процессов нового освоения или колонизации является наличие свободных территорий — малозаселенных или вовсе незаселенных. Таковых было достаточно на востоке от центра расселения русского этноса. Западная Сибирь имеет самую большую историю русского освоения, здесь находится самый первый русский город — Тюмень, которой насчитывается 430 лет от роду. Отсюда шло освоение Восточной Сибири, Дальнего Востока и даже Аляски. Именно здесь случились самые значительные военные столкновения с волной тюркской колонизации, вассальными государственными образованиями (Сибирское ханство и др.)

Что касается специфики освоения и заселения Сибири, то в первую очередь необходимо учитывать громадные расстояния. Неоценима роль одной из самых больших в мире дорог — Московско-Сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири в XIX в. Его протяженность — 11 тыс. км, от Москвы через Казань, Тюмень, Томск и Красноярск до Иркутска. В конце 1689 г. издан царский указ, который повелевал обустроить путь, соединяющий Москву с Сибирью. «Кроме дорог, качество которых повсеместно вызывало у путешественников нарекания, по всей длине тракта создавалась инфраструктура в виде казенных почтовых станций, частных постоянных дворов и притрактовых сел, население которых обеспечивало бесперебойное грузовое и пассажирское движение через всю Сибирь» [4].

Расстояние от Москвы до Тюмени и Омска превышает 2 тыс. км, Новосибирска, Кемерово и Томска — 3 тыс. км, Красноярска и Абакана — 4 тыс. км, Иркутска и Улан-Уде — 5 тыс. км, Читы — 6 тыс. км. Такая удаленность связана с высокими транспортными издержками, что значительно усложняет хозяйственные связи Сибири с европейским центром, делая их в отдельных случаях практически невозможными. Средние расстояния между соседними городами вдоль Транссибирской магистрали увеличиваются на восток в 2,8 раза: от 74 км (на участке Тюмень–Байкал) до 208 км (на участке Байкал–граница Амурской области). Заметим, что в конце XIX в. Сибирский тракт уже не мог удовлетворить транспортные

потребности российской экономики, что и стало основным фактором строительства Транссибирской магистрали.

О том, как воспринимаются эти гигантские расстояния в массовом сознании свидетельствует простой географический тест: если спросить даже образованного человека о том, где находится половина железнодорожного пути от Москвы до Владивостока, то отвечают обычно Новосибирск, Омск, в лучшем случае — Красноярск. Верный ответ — станция Половина около Иркутска, Байкала. Она расположена на 4 644-м километре, ровно на половине пути.

Социально-экономическое развитие Сибири, равно как и Дальнего Востока, сильно, сдерживается глубинным внутриконтинентальным положением (определение Л. Б. Безрукова) макрорегиона и ограниченной транспортной доступностью большей части его территории. Это и сегодня главный тормоз для роста экономики Сибири, ее пространственного развития. Быстрых изменений здесь не приходится ожидать [3, с. 38].

Другим важным условием освоения новых территорий являются демографические ресурсы, т. е. люди, достаточно мобильные в территориальном смысле, с определенным менталитетом, для которых (как говорят сибиряки) «сто верст — не расстояние, а сорок градусов — не мороз».

Сибирские исследователи верно отмечают, что «новые территории различных континентов в XXII–XIX столетиями осваивались в основном маргинальными слоями населения — безземельными крестьянами, религиозными „раскольниками“, авантюристами, ссыльными преступниками всех мастей. Таким был состав первых поселенцев и в Сибири, и в Северной Америке, и в Австралии. Для этой „волны“ искателей свободы и перемен были характерны жизнестойкость, предприимчивость, но при этом они не отличались законопослушностью и высоким уровнем образования» [10, с. 25].

Решение таких крупных геополитических задач, как освоение новых территорий, всегда и во всех странах требовало соответствующей государственной демографической политики.

Освоение Сибири во все времена носило достаточно целенаправленный характер. Организованные государством или стихийно возникавшие казачьи отряды, купеческие и научные экспедиции, начиная с XVI в., имели один главный ориентир — движение на восток. Новые территории с XVIII в. власти использовали для уголовной и политической ссылки. В течение XIX в. в Сибирь сослано более 800 тыс. чел. [19]. Конец XIX и начало XX в. — столыпинские реформы: переселение крестьян при государственной поддержке из густонаселенных районов Европейской части страны в Сибирь и на Дальний Восток. В XX в. — организованный набор в строительные и промышленные предприятия в сибирских районах освоения с относительно благоприятными природно-климатическими условиями и система Гулаг в местах с экстремальным климатом. В советское время, начиная с 60-х гг. прошлого века, широкое распространение получили общественный призыв молодежи, организованное формирование целевых молодежных отрядов, движение студенческих строительных отрядов, государственное распределение молодых специалистов, ударное строительство. Восточное плечо Байкало-Амурской магистрали строили воинские подразделения железнодорожных войск. В новое российское время не было реализации подобных крупномасштабных проектов нового освоения, и потому не возникало необходимости в привлечении дополнительных трудовых ресурсов. Можно отметить из числа относительно новых форм привлечения населения в районы нового освоения: не совсем удачную государственную программу переселения соотечественников из стран Ближнего и Дальнего зарубежья и достаточно плотный поток мигрантов, особенно из среднеазиатских республик бывшего Советского Союза, некоторых азиатских стран. И что мы имеем в сухом остатке?

В начале XX в. в восточных регионах страны проживало менее 10 млн. чел., в 1926 г. — 12,3, в 1979 г. — 28,0 млн. человек, в 1989 — 32,3 млн. человек. Несмотря на военные потери и демографические последствия военного времени,

население Сибири и Дальнего Востока за шесть десятков лет прибавилось на 20 млн. чел., что свидетельствует о достаточно высокой эффективности процессов нового освоения или точнее их заселения [25].

Интересно сравнить демографические показатели особенно энергично осваиваемого сибирского региона — Тюменской области и Аляски, которые примерно одинаковы по своей территории и природно-климатическим условиям (1,435 и 1,718 млн. км²). Только в одной столице тюменского региона проживает 721 тыс. чел. (2016 г.) — это сравнимо с численностью населения самого северного американского штата — 735 тыс. чел. (2016 г.). Но на территории Тюменской области кроме столицы региона еще 28 городов, и большая часть из них сложились в период освоения нефтегазовых месторождений. Правда, по одному параметру Аляска заметно отличается от тюменского региона. Если в России, тем более в Тюменской области, вечная мерзлота занимает 65% территории, то на Аляске 38%. Прибавьте к этому умеренный климат с незамерзающим океаном юга — западной территории штата [1].

С начала 90-х гг. прошлого века Сибирь и Дальний Восток начали заметно терять свое население. Уменьшение численности населения за последние десять лет составило почти 2 млн. чел. по причинам снижения рождаемости, повышения смертности, увеличения миграции в западные регионы страны. Как верно подмечает С. В. Соболева, чем ближе находится российский регион к границам с нашими восточными соседями, тем больший миграционный отток населения здесь наблюдается [21, с. 26].

Так, при снижении общей численности населения России на 3,5% — со 148 млн. чел. в 1990 г. до 143,2 млн. чел. к 2012 г., население Сибирского федерального округа уменьшилось за тот же период на 8,8% — с 21,1 до 19,3 млн. чел., а Дальневосточного федерального округа еще больше, на 22,3% — с 8,1 до 6,3 млн. чел. [24, с. 29].

История освоения сибирского и дальневосточного регионов показывает, что ее постоянно сопровождают дискуссии о целях ее социально-

экономического развития вплоть до выдвижения идей сепаратизма, областничества.

Конечно, самые первые задачи освоения новых территорий происходят в соответствии с геополитическими, экономическими, социально-культурными задачами государства. Поэтому и финансирование процессов нового освоения происходит за счет государственного бюджета и крупных заинтересованных корпораций. Например, освоение Ямала в настоящее время идет за счет крупнейших российских госкорпораций, таких как «Газпром», «Роснефть» и других. Но крупные регионы не могут осваиваться равномерно: одни районы только начинают осваиваться и заселяться, создавать современную транспортную инфраструктуру, другие переходят на этап комплексного развития с принципиально иным набором целевых программ и новых возможностей. Затягивание с таким переходом всегда заметно сказывается на развитии новых городов, их экономики и социальной инфраструктуры, определяет демографическую структуру, направления и темпы миграционных процессов. Не может и не должен новый город, качающий десятки миллионов тонн нефти или десятки миллиардов кубометров природного газа, быть дотационным, где городской бюджет не сводит концы с концами. В такой ситуации власти города, его население не могут быть заинтересованы в эффективном социально-экономическом развитии.

Аналогичную остроту приобретают противоречия между национальными интересами крупных корпораций и осваиваемых территорий. В политике хозяйственного освоения корпорациями регионального пространства реализуется принцип «территория для производства, а не производство для территории». За ними закрепляется не только функция освоения ресурсов, но и распределения полученных от этого эффектов. Они выступают «идеальными инструментами для проведения в отношении регионов политики, очень напоминающей отношения метрополии и колоний» [17, с. 114-131].

На определенном этапе процессов освоения должна формироваться политика регионального саморазвития с опорой на собственные демогра-

фические, финансовые, интеллектуальные ресурсы. Это необходимая логика, алгоритм освоения любой территории. В новейшее время самые продвинутые страны Европы поделили между собой территории Южной и Северной Америки, Африки, Австралии, Индокитая. Процессы освоения приняли характер массового вывоза природных ресурсов, рабочей силы. Естественно на каком-то этапе роста национального самосознания зависимость от метрополий стала восприниматься болезненно, стали нарастать сепаратистские, националистические настроения, движения за создание независимых государств. Большинство современных национальных государств было создано в XIX–XX вв. на территориях бывших колоний. Почему «чаша сия» обошла Сибирь с ее природными богатствами и по своему духу смелым и свободолюбивым народом?

Хотя подобные попытки предпринимались и в историческом прошлом, и новейшей истории России. Так, идеи «областничества» — экономическо-го сепаратизма и особого статуса Сибири — возрождаются и становятся популярными особенно в периоды реформ и революций. В последние годы становление реального федерализма, расширение законодательных полномочий субъектов РФ, договорного межрегионального сотрудничества сибирских регионов серьезно размыли идеологическую базу этого течения, однако подобные общественные настроения еще сохраняются, что находит проявление и в многочисленном оттоке населения из Сибири, и в принятии «антимосковского» по содержанию «Манифеста социалистов Сибири», а также недавней регистрации «Сибирской национальной автономии».

Конечно, рассуждать о сибирском сепаратизме в современных российских условиях, по меньшей мере, несерьезно. Но вопросы формирования менталитета, привлечения и закрепления населения в Сибири, особенно на Дальнем Востоке, остаются. Полагаем, что неверно исходить из позиции, что в Сибири должны быть лучшие условия жизни, чем в остальной России. Важнее ответить на вопрос, кто и на какие ресурсы опирался Сибирь, прозрачней показывать место

Сибири в «общенациональном караване», а не противопоставлять себя, придерживаясь позиции «это к нам привалила Россия». Но, с другой стороны, нельзя и преуменьшать роль и значимость Сибири, ни в коем случае не допускать снижения уровня жизни местного населения. Без компенсации трудностей, дополнительных затрат на жизненное обустройство в экстремальных природно-климатических условиях не получится целенаправленного управления миграционными процессами, которые в последние десятилетия приобретают особую значимость.

Среди заметных социально-экономических рисков, с которыми сталкивается Сибирь, необходимо выделить:

«Сокращение движения кадров „запад — восток“ усиливает миграцию населения „юг — восток“ из стран СНГ, что резко изменяет „этническую мозаику“ и заметно снижает социокультурный, культурно-технический потенциал населения Сибири; трудности адаптации „пришельцев“ с юга к социокультурным факторам, нежелание воспринимать культуру, традиции местного населения усиливают маргинализацию региона, вызывает избыточное социальное напряжение, а также обостряет конкуренцию на рынке труда; в результате „замещающей“ миграции населения с юга на восток происходит неадекватный обмен рабочей силой, квалифицированных кадров на фоне формирований национальных и религиозных замкнутых сообществ, в которых преобладают клановость, групповая солидарность и оживляются кризисные явления, осложняется выполнение намеченных социально-экономических программ Сибири» [20, с. 253–257].

Одной из самых острых геополитических проблем России, в том числе и сибирских регионов, является сдвиг населения в юго-западном направлении, хотя основные ресурсы (кроме сельскохозяйственных) сконцентрированы в северо-восточном направлении. Распределение населения по основным широтным зонам Сибири сложилось следующим образом: Южная Сибирь, занимая 20% территории, сконцентри-

ровала 80% сибирского населения. Ближний Север (территория к северу от основной полосы расселения), занимает 18,5% территории Сибири, где проживает 12,7% ее населения, Дальний Север (огромные малообжитые таежные и тундровые пространства) — 61,6% сибирской территории, где проживает всего 7,4% сибиряков. Особенность Дальнего Севера заключается в том, что свыше 93% его территории занимают административно-территориальные единицы и муниципальные образования на основе этнического принципа, что, конечно, не может не учитываться при освоении природных ресурсов этих регионов.

Большая часть сибирского населения проживает в Южной Сибири (что располагается южнее линии вечной мерзлоты) в регионах с относительно благоприятными природными условиями. Здесь уже сформировались города с миллионным населением (Новосибирск, Омск, Красноярск), складываются урбанизированные агломерации (Кемеровская, Иркутская, Канско-Ачинская, Сургутская, Саянская, Иркутско-Черемховская и др.)

Основной особенностью системы расселения в районах нового освоения Сибири остается формирование малых и в редких случаях больших городов, что вызывается спецификой освоения расположенных здесь природных ресурсов. Из 24 городов, сформировавшихся в результате освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири, только четыре можно отнести к числу больших (Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой, Ноябрьск), а все остальные находятся в группе малых городских поселений со всеми их малыми и большими проблемами. Такие города, где в основе единственное (даже крупное и уникальное) градообразующее предприятие, оказываются слабо защищенными в условиях периодических кризисных явлений в экономике. Они часто нуждаются в государственной финансовой поддержке.

Не в лучшем положении оказываются и большие города в районах нового освоения. Здесь главная беда — недостаточная проработанность

долгосрочных прогнозов развития новых промышленных центров. Например, проект первой очереди города, как правило, определяет перспективу в 5-10 лет. Так, первый генеральный план города Братска появился в 1958 г., т. е. спустя четыре года после начала строительства. Первоначально город планировался на 60 тыс. чел. в основном для обслуживания самой мощной для того времени гидроэлектростанции. Уже после утверждения генерального плана было принято решение о строительстве в этом районе на базе мощного источника дешевой электроэнергии крупнейшего в стране лесопромышленного комплекса, и перспективная численность населения прибавлялась в три-четыре раза. Решение о строительстве алюминиевого завода послужило основанием для разработки третьего генерального плана города. Затем появляется решение о строительстве мощного завода отопительного оборудования. Появился четвертый за двадцать лет генеральный план города [14, с. 134].

Так формировался не очень ладный, но большой город, разбросанный на сотню километров с множеством экологических, социально-инфраструктурных и прочих проблем. Если вопросы с формированием генеральных планов новых городов были немалые в условиях плановой экономики и государственного финансирования нового градостроительства, то можно себе представить, насколько все эти проблемы обострились в условиях рыночной экономики.

Заметным демографическим явлением освоения новых территорий, особенно в высоких широтах, является высокая миграционная активность населения, в том числе и обратная. В чем заключаются причины такой миграции?

На новых местах закрепляется меньше половины новоселов, многие уезжают по самым различным причинам уже на первом году проживания. Понятно, что такая обратная миграция очень затратна для государства, нового города, егостроек и предприятий. Размеры такой миграции и основные ее последствия анализировались в рамках социологического исследования в Ямало-Ненецком автономном округе — в регионе интенсивного

нового освоения¹. Изучались образ и качество жизни учительского корпуса ЯНАО, где в настоящее время в связи с освоением газовых месторождений активно идут процессы нового градостроительства, транспортной инфраструктуры.

Интересно проанализировать «укорененность» населения, которую можно определить по числу лет проживания на одном месте. На территории нового освоения — Ямале — только пятая часть населения проживает здесь больше четверти века, их уже можно считать старожилами, коренными жителями. В среднем по России 64% взрослого населения проживает на одном месте больше 25 лет, на юге Тюменской области относительно освоенном регионе — 53%, а на Ямале — только 20% [23, с. 29].

Значительно большая подвижность населения Сибири просматривается при ответах на вопрос «Вы здесь родились или приехали из другого региона страны?». В целом по России взрослое население ответило: половина проживает в том же городе (55%), поселке, регионе где родились, на Ямале таких людей в два раза меньше — 22%. Т. е. для 78% населения Ямал является новым местом жительства.

Крупномасштабное освоение значительной малозаселенной территории всегда сопровождается серьезными демографическими сдвигами, интенсивными миграционными процессами. Ор-

ганизация повседневной жизни новоселов осложняется десятками больших и малых социальных проблем, важнейшая среди которых — формирование системы общего и профессионального образования практически с нуля. Возможность новоселу самому получить хорошее профессиональное образование, повысить профессиональную квалификацию, дать хорошее образование своим детям — важнейшие ценности новопоселенческого образа жизни, предмет заботы муниципальных и муниципальных властей.

Параллельно с созданием материально-технической базы учебных заведений приходится с нуля формировать квалифицированные педагогические коллективы. И если в организации строительства и промышленного производства во многих случаях можно вынуждено пойти по пути отработанных схем использования вахтово-экспедиционного метода, привлекая высококвалифицированные кадры рабочих и инженеров из обжитых регионов, то в организации образования возможен только вариант штучного подбора и приглашения специалистов нужного профиля и квалификации. Он стал единственно возможным после отмены государственного распределения выпускников профессиональных учебных заведений, который был палочкой-выручалочкой в командно-административной системе управления.

На Ямале до сих пор отсутствуют учреждения высшего образования, организована подготовка педагогов лишь со средним профессиональным образованием. И, конечно, основным путем формирования педагогического корпуса могут стать только индивидуальные приглашения, в том числе и жителей автономного округа, обучавшихся в вузах по направлению местных властей. В современной школе с ее технологическими новациями и требованиями федеральных стандартов без педагогов с высшим педагогическим образованием не обойтись. Правда, иногда (в безвыходных ситуациях) приходится приглашать специалистов с высшим образованием любого профиля.

Похожая ситуация складывается и по другим группам интеллигенции: врачам, работникам социальной сферы — они тоже формируются за счет миграционных потоков.

¹ Основной метод исследования: анкетирование. Опрос осуществлялся посредством анкетного опроса в печатном виде, а также через интернет. Сроки: март–июль 2016 г. Генеральная совокупность — 4 830 учителей Ямало-Ненецкого автономного округа (по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ямало-Ненецкому автономному округу на конец 2014 г.). Выборочная совокупность — 680 респондентов. Стандартная ошибка выборки — 3,55% (расчет по формуле В. И. Паниотто), что свидетельствует о необходимой достоверности полученных данных. Метод отбора выборочных единиц — бесповторный, в зависимости от количества ступеней отбора вид выборки — одноступенчатая выборка. Тип выборки: квотная с репрезентацией по полу и стажу педагогической работы.

Последствия массовых миграционных сдвигов можно проследить на примере учительства — самой массовой группы интеллигенции, сроков их проживания на Крайнем Севере, путей миграции, сложностей их адаптации, миграционных настроений и т. п. По результатам нашего социологического исследования только 14% учителей ямальских школ относят себя к коренным жителям Ямала, 76% к приезжим, проживающим постоянно и 7% приезжих, проживающих временно. Представляет интерес и распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько поколений Вашей семьи проживает на Крайнем Севере?». Самая большая группа северян (56%) отнесла себя к первому поколению северян (первое поколение северян), два поколения — 30% («первыми приехали их родители»), три поколения («первыми приехали их бабушки и/или дедушки») — 7%, четыре и более поколений — 8% [22, с. 105].

Основным фактором, определившим выбор респондентом места работы в Ямало-Ненецком автономном округе стал «более высокий уровень оплаты труда» (63%). На Крайнем Севере проживали родители 33% респондентов и они приехали сюда по «семейной традиции». В качестве «испытания себя» приехали работать на Крайний Север 29% педагогов. Значительно менее влиятельными стали такие факторы, как «Интерес к экстремальным условиям жизни и работы» (11%), «Интерес к этнокультуре народностей Крайнего Севера» (7%), «Направление на работу органами управления образованием» (5%), «Интерес к обучению детей тундровиков» (4%) [22, с. 105].

Оценивая уровень «укорененности», важно проанализировать ответы на вопрос «Повторяют ли поколения Вашей семьи цикл миграции „миграция на север — миграция с севера“?», своего рода многолетнюю маятниковую миграцию. Для 41% опрошенных учителей это привычная миграционная схема [22, с. 105].

Полученная социологическая информация показывает, что доля учителей, планирующих после выхода на пенсию проживать на территории округа, в два раза выше численности коренных северян. Это свидетельствует о том, что

положительная тенденция «укоренения» приезжего населения заметно усиливается. Причем в этих многолетних миграционных процессах имеются некоторые неожиданности. Если в настоящее время среди опрошенных учителей из южной части Тюменской области (эта область простирается от границы с Казахстаном до Северного Ледовитого океана, от субарктических территорий на севере до лесостепных и степных районов на юге) перебрались на Крайний Север 12% учителей, то планируют после выхода на пенсию переехать на юг Тюменской области на постоянное место жительства в два раз больше, 24%. Такие настроения ямальских учителей формируются в результате реализации региональными властями значительных по объему градостроительных проектов на основе программы «Содружество» для переселения северян в регионы с относительно благоприятными природно-климатическими условиями.

В настоящее время биологическая и медицинская наука достаточно полно исследовала влияние, воздействие северного климата на здоровье человека (академик В. П. Казначеев, М. П. Дьякович, В. С. Рукавишников [9, с. 35–39]), его переселение в районы с резкими отличиями в климате, например, южные районы России. Если адаптация мигрантов к северным условиям наиболее успешно происходит в молодом возрасте, с хорошим в основном состоянием здоровья, то к пенсионному возрасту (хотя он и снижен на пять лет для северян) местные природно-климатические условия (низкие температуры, световой и радиационный режим, нехватка кислорода, витаминов из овощей и фруктов) делают свое дело и основные показатели здоровья объективно снижаются, что может осложнять адаптацию к условиям жизни в других регионах [5].

В. П. Казначеев считает наиболее целесообразным «оседлое» освоение северных территорий, где повышение качества жизни населения требует улучшения систем жизнеобеспечения, в том числе, развития транспортной инфраструктуры [2, с. 128–233].

Есть над чем поразмышлять, учитывая накопленный опыт адаптации и реадаптации милли-

онных потоков людей, вовлеченных в миграционные процессы. Надо не только создавать необходимые условия для привлечения населения в районы нового освоения установлением социальных льгот типа повышенного районного коэффициента. Такая практика подталкивает северян к образу жизни, нацеленному на отложенный спрос, накопление финансовых ресурсов для отъезда и устройства в обжитых регионах страны.

К примеру, при определении градостроительных нормативов для городов в высокоширотных районах нового освоения требуется большее внимание к созданию закрытых помещений для организации досуга северян. Из-за ограниченных возможностей пребывания на открытом воздухе у городского населения на Крайнем Севере иначе чем у горожан в областях с лучшим климатом складывается структура их свободного времени.

В нашем исследовании на Ямале в фокус-групповых беседах и анкетном опросе школьные педагоги, характеризуя свой образ жизни, чаще всего указывают на именно ограниченный круг общения, недостаток учреждений культуры и спорта.

ВЫВОДЫ

На основе полученной социологической информации можно сделать выводы о необходимости

на научной основе управлять миграционными потоками. Пока эти процессы происходят во многом стихийно. К примеру, в последние годы северяне, проживая и работая в высоких широтах, покупают жилье в городах юга Сибири, где проживают и получают образование их подростки. Получив профессиональное образование, они находят работу в северных городах, а родители, оставляя свою северную квартиру, перебираются в южные районы Сибири. Так складывается уже два поколения с опытом проживания на сибирской земле. В Западной Сибири проложена меридианная железнодорожная магистраль вдоль восточного склона Уральских гор с перспективой выхода к Северному Ледовитому океану. Столица региона Тюмень связана прямым авиационным сообщением с всеми городами Среднего Приобья и Ямала. Развитые транспортные коммуникации во многом связаны с вахтово-экспедиционным методом освоения северных регионов Сибири, миграционными перемещениями местного населения, использованием южной Сибири для рекреационного отдыха, лечения и т. п. Такой характер миграционных перемещений населения особенно широко развивается с выходом нового освоения в арктическую зону России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранат Г. А. Аляска новая модель развития ресурсного региона / Г. А. Агранат. URL: <http://geo.1september.ru/articles/2002/37/02>
2. Башалханова Л. Б. Влияние климата на жизнедеятельность населения в регионах восточной Сибири / Л. Б. Башалханова // География и природные ресурсы. 2008. № 1. С. 128-233. URL: <http://www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2008-1/128.pdf>
3. Безруков Л. А. Новые возможности пространственного развития Сибири | Л. А. Безруков // Эко. Всероссийский экономический журнал. 2015. № 2. С. 38.
4. Бойко В. П. Роль Московско-Сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири XIX в. / В. П. Бойко // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2(18). С. 45-48.
5. Взгляд в будущее. Екатеринбург, 2006.
6. Ганопольский М. Г. Освоение Урала и Сибири как социокультурный процесс. Структура, коммуникации, ценности / М. Г. Ганопольский, П. И. Федоров. 2011.
7. Глазычев В. Дилемма развития / В. Глазычев // Со-Общение. 2003. № 6. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/glazychev/?library=1762>
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. 11. С. 594.

9. Дьякович М. П. Социальное самочувствие и связанное со здоровьем качество жизни населения восточной Сибири / М. П. Дьякович, В. С. Рукавишников // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2013. № 5-6. С. 35-39.
10. Ефимов В. С. Политика наращивания человеческого капитала Сибири и Дальнего Востока / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева, А. В. Ефимов, П. М. Вчерашний // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2015. № 2. С. 25.
11. Калугина З. И. Потери человеческого капитала в Сибири: масштабы и последствия / З. И. Калугина // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. №1. Т. 3. С. 101-105.
12. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекции 70-х гг. Варианты и заметки / В. О. Ключевский. ОПИ Ин-т Российской истории РАН. Ф.4, оп. 1, ед. хр. 1
13. Козлов В. А. Оценка собственного здоровья населением восточной Сибири и дальнего Востока / В. А. Козлов, А. В. Немировская // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 2014. С. 250-257.
14. Куцев Г. Ф. Новые города. Социологический очерк на материалах Сибири / Г. Ф. Куцев. М., 1982. С. 134.
15. Ломоносов М. В. О размножении и сохранении российского народа. [Письмо к И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г.] / М. В. Ломоносов; сообщ. П. П. Пекарским // Русская старина. 1873. Том 8. № 10. С. 563-580.
16. Мостовая Е. Б. Средний слой в составе населения Сибири / Е. Б. Мостовая // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 2014. С. 258-262.
17. Нефедкин В. И. Корпорации на территории: колонизация или локализация / В. И. Нефедкин // ЭКО. 2013. № 8. С. 114-131.
18. Общая информация о Сибири. URL: http://koi.tspu.ru/koi_books/sudnitskaya/allifosibir.htm
19. Простаков С. За XIX век в Сибирь были сосланы 800 тысяч человек / С. Простаков. URL: <http://rusplt.ru/fact/sibir.html>
20. Пузиков В. Г. Регион Сибирь: векторы социально-экономического развития / В. Г. Пузиков // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 4(18). С. 253-257.
21. Соболева С. В. Миграция населения в приграничных регионах Сибири / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // Эко. 2014. № 8. С. 26.
22. Социально-профессиональный портрет учительства Ямало-Ненецкого автономного округа: Информационно-аналитический материал по итогам социологического исследования. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. 168 с.
23. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области. Тюмень, 2015. С. 29.
24. Федеральная служба государственной статистики. Центральная баз статистических данных. С. 29
25. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography
26. Population of Alaska 2016. URL: <http://www.population2016.com/population-of-alaska-2016.html>

Sociodemographic Issues of the Development of Siberia

Gennady F. Shafranov-Kutsev

Dr. Sci. (Philos.), Academician of the Russian Academy of Education,
Research Advisor, Tyumen State University
shafranov-kutsev@utmn.ru

Abstract. This article deals with the problems of the sociodemographic development of Siberia, both past and present. The author considers Siberia to be a macroregion in the context of its interaction with the Russian Far East. This research provides comparative data on Siberian society and the Russian Federation as a whole. Firstly, the author reveals the uneven population distribution in certain Siberian regions and the demographic features of urban settlements in the areas of new exploration. In addition, the paper thoroughly studies the present socioeconomic risks for the region. The statistical data analysis shows that the population of the Siberian macroregion has experienced more rapid depopulation in the last two decades than Russia as a whole. The findings further indicate that Siberia's current development can be successful only through the implementation of an effective regional policy, drawing on its own demographic, financial, and intellectual resources. The results of this thorough sociological research assist the author in identifying the features of migration processes in Siberia and the level of the population's "rootedness". The author pays significant attention to the training of school teaching staff in the Far North, and lists some recommendations for regulating the migration process in this macroregion.

Keywords: Siberia, population migration, territorial development, population "rootedness", pendulum migration, regulation of migration processes, region of new exploration, region sociology, urban sociology, standard of living.

Citation: Shafranov-Kutsev G. F. 2017. "Sociodemographic Issues of the Development of Siberia". *Siberian Socium*, vol. 1, no 1, pp. 9-17.
DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-9-17

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-9-17

REFERENCES

1. Agranat G. A. Alyaska: novaya model' razvitiya resursnogo regiona [Alaska is a New Model for the Development of the Resource Region]. <http://geo.1september.ru/articles/2002/37/02>
2. Bashalkhanova L. B. 2008. "Vliyanie klimata na zhiznedeyatel'nost' naseleniya v regionakh vostochnoy Sibiri" [The Influence of Climate on the Vital Activity of the Population in the Regions of Eastern Siberia]. *Geografiya i prirodnye resursy*, no 1, pp. 128-233. <http://www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2008-1/128.pdf>
3. Bezrukov L. A. 2015. "Novye vozmozhnosti prostranstvennogo razvitiya Sibiri" [New Possibilities for the Spatial Development of Siberia]. *Eko. Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, no 2, pp. 38.
4. Boyko V. P. 2012. "Rol' Moskovsko-Sibirskogo trakta v khozyaystvennom i kul'turnom razvitii Sibiri XIX v." [The Role of the Moscow-Siberian Route in the Economic and Cultural Development of Siberia in the 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 2(18), pp. 45-48.
5. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], vol. 11, p. 594.
6. Dyakovich M. P., Rukavishnikov V. S. 2013. "Sotsial'noe samochuvstvie i svyazannoe so zdorov'em kachestvo zhizni naseleniya vostochnoy Sibiri" [The Social Health and Health-Related Quality of Life of the Population of Eastern Siberia]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, no 5-6, pp. 35-39.

7. Efimov V. S, Lapteva A. V., Efimov A. V., Vcherashniy P. M. 2015. “Politika narashchivaniya chelovecheskogo kapitala Sibiri i Dal’nego Vostoka” [The Policy of Increasing the Human Capital of Siberia and the Far East]. EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal, no 2, p. 25.
8. Ganopol’skiy M. G., Fedorov P. I. 2011. Osvoenie Urala i Sibiri kak sotsiokul’turnyy protsess. Struktura, kommunikatsii, tsennosti [The Development of the Urals and Siberia as a Socio-Cultural Process. Structure, Communication, Values].
9. Glazychev V. 2003. “Dilemma razvitiya” [The Dilemma of Development]. So-Obshchenie, no 6. <http://www.archipelag.ru/authors/glazychev/?library=1762>
10. Kalugina Z. I. 2015. “Poteri chelovecheskogo kapitala v Sibiri: masshtaby i posledstviya” [The Loss of Human Capital in Siberia: Scale and Consequences]. Interekspo Geo-Sibir, no 1, vol. 3, pp. 101-105.
11. Klyuchevskiy V. O. “Kurs russkoy istorii. Leksii 70-kh gg. Varianty i zametki” [The Course of Russian History. Lectures of the 70s. Variants and Notes]. IRH RAS, f. 4, op. 1, ed. khr. 1
12. Kozlov V. A., Nemirovskaya A. V. 2014. “Otsenka sobstvennogo zdorov’ya naseleniem vostochnoy Sibiri i dal’nego Vostoka” [The Population of Eastern Siberia and the Far East Assessing Their Own Health]. Proceedings of the 10th All-Russian research conference “Sotsiokul’turnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov” [The Sociocultural Evolution of Russia and Its Regions], pp. 250-257.
13. Kutsev G. F. 1982. Novye goroda, Sotsiologicheskii ocherk na materialakh Sibiri [New Cities, Sociological Essay on the Materials of Siberia]. Moscow.
14. Lomonosov M. V. 1761. “O razmnozhenii i sokhranении rossiyskogo naroda (Pis’mo k I.I. Shuvalovu ot 1 noyabrya 1761 g.)” [On the Propagation and Preservation of the Russian People (A letter to I. I. Shuvalov on November 1, 1761)]. In: Pekharskiy P. P. (ref.). 1873. Russkaya starina, vol. 8, no 10, p. 566.
15. Mostovaya E. B. 2014. “Sredniy sloj v sostave naseleniya Sibiri” [Middle Layer in the Population of Siberia]. Proceedings of the X All-Russian research conference “Sotsiokul’turnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov” [The Sociocultural Evolution of Russia and Its Regions], pp. 258-262.
16. Nefedkin V. I. 2013. “Korporatsii na territorii: kolonizatsiya ili lokalizatsiya” [Corporations on the Territory: Colonization or Localization]. EKO, no 8, pp. 114–131.
17. Obshchaya informatsiya o Sibiri [General Information on Siberia]. http://koi.tspu.ru/koi_books/sudnitskaya/allifosibir.htm
18. Population of Alaska 2016. <http://www.population2016.com/population-of-alaska-2016.html>
19. Prostakov S. Za XIX vek v Sibir’ byli soslany 800 tysyach chelovek [In the 19th Century, 800 Thousand People Were Exiled to Siberia]. <http://rusplt.ru/fact/sibir.html>
20. Puzikov V. G. 2014. “Region Sibir’: vektory sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya” [Siberia Region: Vectors of Social and Economic Development]. Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya, no 4(18), pp. 253-257.
21. RF Federal Statistics Service. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography
22. RF Federal Statistics Service. Tsentral’naya baza statisticheskikh dannykh [The Central Database of Statistical Data].
23. Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudaeva O. V. 2014. “Migratsiya naseleniya v prigranichnykh regionakh Sibiri” [Migration of Population in the Border Regions of Siberia]. Eko, no 8, p. 26.
24. Sotsiokul’turnaya dinamika — Portret Tyumenskoy oblasti [Socio-Cultural Dynamics — The Portrait of the Tyumen Region]. 2015. P. 29. Tyumen.
25. Tyumen State University. 2016. Sotsial’no-professional’nyy portret uchitel’sstva Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: Informatsionno-analiticheskiy material po itogam sotsiologicheskogo issledovaniya [Socio-Professional Portrait of Teaching in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: Information and Analytical Material Based on the Results of a Sociological Survey]. Tyumen: Tyumen State University Publishing House.
26. Vzglyad v budushchee [A Glance into the Future]. 2006. Yekaterinburg.